

**Виктор Владимирович
Деменцев**

Резервы у нас действительно были солидные

Алданский тракт

Я родился в многодетной семье и рано потерял отца. Школу-семилетку окончил в посёлке Большой Невер Дальневосточного края. Все мальчишки тех лет мечтали стать лётчиками. У меня было два закадычных друга, с которым я учился с первого класса. Окончив семилетку, мы втроём решили поступать в авиационную школу. Однако оказалось, что туда без среднего образования не принимают. Поэтому мы вместе поступили на рабфак при Благовещенском педагогическом институте. В 1934 году я окончил институт с дипломом преподавателя психологии. Кстати, полученные знания мне оченьгодились в дальнейшем.

Посёлок Невер, где мы жили, расположен на Транссибирской магистрали в 15 километрах от важного в стратегическом отношении железнодорожного узла Сковородино. Из Невера от железной дороги в сторону Якутии шёл единственный тракт, поэтому Невер был центром, от которого зависело снабжение всем необходимым огромных территорий Сибири и Дальнего Востока. Оттуда на Алдан и дальше по Якутии отправлялись длинные автоколонны.

У одного из моих друзей, Кости Большакова, отец работал главным бухгалтером местного отделения «Главзолота» (упразднено в 60-е годы, вместо него создано «Якутзолото»). Он и предложил нам поработать у него в конторе. Так я начал осваивать азы финансовой деятельности. Мне это понравилось, и в результате работать по специальности я не стал, а поехал в Хабаровск, на курсы, организованные Дальневосточным краевым финотделом. И с тех пор всю жизнь занимаюсь финансами.

На собачьей упряжке

В 30-е годы партия и комсомол объявили очередной призыв. Предложили молодым специалистам поехать на руководящую работу в глухие административные районы страны. Я был членом райкома комсомола и с удоволь-

Центральный аппарат



**Виктор Владимирович
Деменцев**

1934–1937

Бухгалтер «Главзолота», старший бухгалтер «Золотопродаба» посёлка Большой Невер Амурской области

1937–1939

Слушатель курсов бухгалтеров финансовой школы при Хабаровском крайфо, главный бухгалтер, заведующий Усть-Большерецким райфинотделом Камчатской области

1939–1943

Главный бухгалтер, заведующий Корякским окружным финансовым отделом, заместитель председателя Корякского окрисполкома

1943–1947

Старший контролёр-ревизор контрольно-ревизионного управления, уполномоченный представитель Минфина РСФСР по Корякскому национальному округу, а затем по Камчатской области

1947–1949

Слушатель Высших финансовых курсов Министерства финансов СССР

1949–1955

Заведующий Горно-Алтайским облфинотделом, заместитель председателя облисполкома

1955–1956

Слушатель Финансовой академии

ствием на призыв откликнулся. После окончания курсов я был назначен исполняющим обязанности начальника финансового управления Чукотского окрисполкома, а вскоре меня направили на работу в центр Корякского национального округа — село Палана — сначала в районный, а потом в окружной финотдел.

В 1941 году началась война. На фронт, несмотря на просьбы, меня не отпустили, зато включили в состав военного гарнизона, охранявшего финансовые учреждения округа. Днём сотрудники финотдела работали, а ночью стояли на боевом дежурстве.

В 1943 году Минфин учредил аппарат своих уполномоченных в краях, округах и областях. Так, я стал старшим контролёром КРУ Минфина СССР сначала по Корякскому округу, а затем и по Камчатской области. И одновременно уполномоченным Министерства финансов по этим регионам.

Однажды во время войны пришло указание за подписью Сталина провести выборы окружных и районных партийных и советских органов. Все ответственные руководители окружкома и окрисполкома распределили между собой районы и крупные посёлки. Я оказался в одной группе с секретарём окружкома, заместителем окрисполкома, прокурором и председателем окружного суда. Мы должны были организовать на местах подготовку к выборам. Предварительно следовало взять в фактории продовольствие. Но по вине проводника, управляющего нашей собачьей упряжкой, мы заблудилась.

Нас нашли на девятый день, истощёнными, замёрзшими и голодными. Не имея продовольствия, спасались тем, что пили хвойный отвар из стланика. Вначале нашу группу привезли в районный центр, а потом дали указание отправить всех в Ленинград на лечение. Там я, чтобы не терять время, поступил на двух-

Виктор Владимирович Деменцев

1956–1962

Заведующий Ярославским облфинотделом, заместитель председателя Ярославского облисполкома

1962–1963

Начальник управления государственных доходов, член коллегии Министерства финансов РСФСР

1963–1965

Заместитель министра финансов РСФСР

1965–1973

Заместитель министра финансов СССР

1973–1986

Первый заместитель министра финансов СССР

1986–1987

Председатель правления Госбанка СССР

годовые курсы по подготовке и повышению квалификации руководящих финансовых работников, организованные Минфином СССР. Во время учёбы выучил английский язык и написал дипломную работу на тему «Великая депрессия в США 1929–1933 гг. и «новый курс» Рузвельта».

Поднятая целина

После курсов меня послали в Горно-Алтайскую автономную область заведовать областным финотделом, а вскоре назначили заместителем председателя облисполкома.

В это время руководящие органы СССР, чтобы обеспечить страну продовольствием, приняли историческое постановление об освоении целинных земель.

В Алтайском крае, где я работал, в течение трёх лет удалось вспахать и засеять 5,5 млн гектаров целинной земли. Всех руководящих работников с началом работ закрепили за целинными районами. За эту достаточно трудную работу я получил первый орден Трудового Красного Знамени.

Надо сказать, что в те годы руководство страны ставило грандиозные задачи, которые, кстати, успешно решались. В Горно-Алтайской автономной области, где я проработал шесть лет, кроме освоения целины, мы ещё построили Катунскую ГРЭС, активно вели разведку месторождений полезных ископаемых. Ведь известно, что в Горном Алтае представлена вся таблица Менделеева.

После этого я пошёл на повышение. Меня назначили заместителем председателя Алтайского крайисполкома. Однако поработать на этой должности мне не пришлось. В 1955 году в Ленинграде создали Финансовую академию по подготовке руководящих кадров в области экономики и финансов. Я был ещё молодым человеком, к тому же окончившим Заочный финансово-экономический институт, мне хотелось расти дальше, и я попросил местный партийный комитет, чтобы меня направили слушателем академии. Алтайский крайком партии дал мне рекомендацию, взяв слово, что после учёбы я вернусь на Алтай.

К сожалению, это учебное заведение просуществовало всего год, а то и меньше. Нас учили по ускоренной программе всего шесть месяцев. Потом академию по не известным для меня причинам закрыли.

Шахматы с Косыгиным

Сдержать слово мне не удалось. После учёбы в Академии я хотел вернуться на Алтай, но ЦК КПСС своим решением направил меня в Ярославскую область. Там я работал с 1956 по 1962 год. Сначала заведовал финансовым отделом области, а потом был заместителем председателя Ярославского облисполкома. В мои обязанности входило планирование, финансирование промышленности, руководство коммунальным хозяйством, а позднее промышленными отраслями. Я участвовал в создании новых предприятий химического машиностроения, оборонных отраслей. Ярославская область в промышленном отношении была тогда одной из передовых в Советском Союзе.

В Ярославле мне посчастливилось познакомиться с Алексеем Николаевичем Косыгиным. Случилось это так. В 1959 году, в то время когда руководитель Госплана Н. К. Байбаков попал в опалу, вместо него Госплан некоторое время возглавлял А. Н. Косыгин. Предстояли выборы в Верховный Совет СССР. Алексей Николаевич баллотировался в Совет Национальностей по Ярославской, Костромской, Ивановской и Калининской областям. Первая встреча с избирателями была назначена в Ярославле. Косыгин приехал к нам за несколько дней до встречи, чтобы посмотреть, как работают предприятия, зашёл в исполком. Спрашивает: «Где председатель?» А у нас председатель был мужик хитрый, оказался за чьей-то спиной, выглянул оттуда и отвечает: «Я здесь, Алексей Николаевич». Косыгин среагировал: «Знаю я тебя. Ты всегда, когда надо отвечать, прячешься за чужую спину». После этого Алексей Николаевич поехал в обком, где первым секретарём был Борис Агафонович Баринов. Когда я работал на Алтае, он был вторым секретарём Алтайского крайкома. Баринов встретил Косыгина, между ними произошёл следующий диалог. Председатель Госплана ему говорит: «Я сейчас поеду по предприятиям». Баринов спрашивает: «Может, Алексей Николаевич, мне вас сопроводить?» «Нет, — отвечает Косыгин, — я никого из руководства никогда с собой не беру, потому что вы мешаете мне нормально говорить с народом. При вас человек ничего мне критического не скажет — вы же за это его на следующий день уволите». И при этом Алексей Николаевич, показав на меня, сказал: «Вот он со мной поедет».

Тогда руководящие штаты ещё не были раздутыми. В облисполкоме было три зама. Я, как один из них, курировал промышленность. Поехали мы по заводам. Все встречи с рабочими проходили успешно. Косыгин умел чётко и доходчиво разговаривать и знал, что надо людям сказать.

С Алексеем Николаевичем я ездил четыре дня. После Ярославля сопровождал его в Кострому. Кстати, он очень любил играть в шахматы. Я тоже, причём считал себя мастером высокого класса. Однажды Косыгин меня спросил: «Ты в шахматы играешь?» Я ответил утвердительно, и мы по ве-

черам в его номере стали устраивать шахматные сражения. Но оказалось, что против него я был мальчишкой. Он очень мощно играл.

В Иваново я с Косыгиным уже не поехал, у меня были важные дела в области. Однако стал доверенным лицом Косыгина на период выборов.

С того времени у меня с Алексеем Николаевичем сложились прекрасные отношения. И, конечно же, он сыграл не последнюю роль в назначении меня заместителем министра финансов СССР.

Заместитель министра

В 1962 году меня вызвал секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов и сказал: «Есть решение направить вас в Красноярск вторым секретарём крайкома КПСС». Я слишком хорошо знал местного первого секретаря крайкома и поэтому попросил меня в Красноярск не посылать. Попытался объяснить свою позицию. «Михаил Андреевич, за пять лет там сменилось три вторых секретаря. Мне бы очень не хотелось стать четвёртым». Суслов на это ответил: «Вы член КПСС. Куда партии направит, туда и поедете!» Правда, дал день на раздумье.

После этого разговора я позвонил министру финансов РСФСР Ивану Ивановичу Фадееву, которого хорошо знал, и попросил меня выручить. Он тут же связался со своим знакомым в ЦК и сказал, что ему срочно нужен грамотный специалист, знающий низовую финансовую работу. В результате, когда я на следующий день пришёл к Суслову, то узнал, что мне срочно следует зайти в Минфин.

Фадеев предложил мне стать его заместителем. Понимая, какая ответственность на меня ложится, я попросил Ивана Ивановича дать мне возможность некоторое время поработать в должности начальника управления, чтобы набраться опыта. Так, меня назначили начальником управления госдоходов. Одновременно я курировал работу совнархозов. И только после этого меня утвердили на должность заместителя министра финансов РСФСР. Впоследствии с Иваном Ивановичем мы так хорошо сработались, что стали дружить семьями.

Шестнадцать бюджетов

В 1965 году после снятия Хрущёва предложили на выбор: стать председателем Госплана РСФСР или заместителем министра финансов СССР. Меня на встречу пригласил министр финансов СССР Василий Фёдорович Гарбузов. За два года до этого умер его заместитель, замечательный специалист Фёдор Александрович Урюпин, и Гарбузов никак не мог найти ему замену. Он сказал тогда мне: «Я знаю, что тебе предложили возглавить российский

Госплан, но я тем не менее настаиваю, чтобы ты перешёл ко мне в Минфин. Более того, я уже договорился об этом в ЦК КПСС».

Я отказался, но Василий Фёдорович вызвал замминистра по кадрам и поручил ему подготовить письмо-обоснование моего назначения в ЦК КПСС. Так, меня против моего желания через несколько дней назначили замминистра финансов СССР.

К счастью, с первых же дней работы мы с Василием Фёдоровичем Гарбузовым, выдающимся финансистом, прекрасным организатором, стали понимать друг друга с полуслова. По принципиальным вопросам развития финансовой системы страны у нас было полное взаимопонимание. Он сделал меня своим первым заместителем, и в дальнейшем, когда он болел, я исполнял обязанности министра финансов СССР.

Должность первого заместителя министра финансов была исключительно высокой. За годы работы в Минфине мне пришлось составлять три пятилетних плана развития народного хозяйства СССР: 1965–1970 годов, 1970–1975 годов и 1975–1980 годов. Я формировал 16 бюджетов страны, за что получил второй орден Трудового Красного Знамени. Задачи перед нами тогда стояли глобальные: развитие сельского хозяйства, промышленности, строительство новых заводов.

Следует отметить, что составление бюджета — процесс трудоёмкий. Министерства хотят увеличить свои расходы за счёт уменьшения отчислений в бюджет от прибыли. Приходилось искать возможности оставить средства на развитие производства, но без нарушения сбалансированности госбюджета. И мы эти задачи решали.

Между министерствами и Госпланом, который с октября 1965 года вновь возглавил Николай Константинович Байбаков, шла борьба по поводу планирования объёмов производства продукции. А Гарбузову приходилось договариваться с Байбаковым по будущим отчислениям в бюджет и об объёмах финансирования разных отраслей народного хозяйства.

Это ещё одна огромная удача, что моя работа в Минфине по времени совпала с периодом, когда Госплан возглавлял такой замечательный профессионал, как Николай Константинович Байбаков. Он, как никто, понимал зависимость успехов экономики от надёжности финансового обеспечения производства. И очень важно, что серьёзных разногласий между нашими ведомствами тогда не возникало.

Скрытые резервы

Нас беспокоило то, что две капиталоемкие сферы экономики с регулярным кредитованием — промышленность и сельское хозяйство — финансировались, что называется, из одного котла. Это создавало явные трудности. Минфин четы-

ре раза вносил в ЦК предложение создать сельскохозяйственный банк. В ЦК тоже этого хотели, потому что управление финансами сельского хозяйства было потеряно и, следовательно, контроль в этой сфере был слабым. Однако все мы сталкивались с одним и тем же вопросом: где взять деньги на уставный капитал нового банка? В конце концов, мы предложили ЦК: «Давайте всё-таки создавать. Денег нам дополнительных выделять не надо. Минфин средства найдёт». Надо сказать, что Минфин на многие дела находил деньги. В ЦК нас спрашивают: «Где же вы возьмёте деньги?» Мы им отвечаем: «Где добудем, это наше дело. Ваше же дело дать нам поручение их найти. Так прямо и напишите в резолюции: «Поручить министерству финансов рассмотреть вопрос об изыскании средств на уставный капитал Сельхозбанка». А дальше наше дело!»

Сейчас мало кто знает, что в Минфине удавалось скопить колоссальные резервы, абсолютно закрытые для посторонних. Даже в ЦК о них не знали. Было понятно, что, как только там появлялась информация, что у нас появились свободные деньги, пусть даже небольшие, тут же принимали решение направить их на латание той или иной дыры.

Однажды нам эта практика надоела, Байбаков, Гарбузов и я собрались и решили, что пора создавать свои скрытые резервы. В бюджете они не отражались, поэтому их как бы и не было. То есть средства, конечно, присутствовали в бюджете, но расписывались по разным статьям. Это был резерв Минфина и Госплана. Никто о нём не должен был знать и никто к нему не допускался. Резервную систему поручили курировать мне.

В этом вопросе огромную роль сыграл Алексей Николаевич Косыгин. Он не только был человеком огромного личного обаяния, но и глубоко разбирался во всех сферах экономики. Косыгин, Гарбузов, Байбаков и я понимали друг друга с полуслова. Поэтому Алексей Николаевич поддерживал Минфин во всех вопросах. Особенно в тех, что касались увеличения резервных фондов правительства на случай особых обстоятельств. Благодаря ему удалось добиться того, что официальный резервный фонд составлял 3% бюджета. Что касается скрытых резервов, то Косыгин о них, конечно, догадывался, но делал вид, что ничего не знает, и ни разу нас об этих средствах не спросил. Разве что иногда намекал, что надо поделиться, показывая, что знает про нашу заначку.

А вообще созданию финансовых резервов огромное внимание начал уделять ещё И. В. Сталин. Мне коллеги, с ним работавшие, рассказывали, что, когда нарком финансов А. Г. Зверев принёс ему государственный бюджет на 1942 год, едва ли не самый трудный в истории страны, Сталин спросил наркома: «А где резервы?» И посоветовал предусмотреть создание хотя бы небольшого резерва.

Однажды мне позвонил министр обороны Дмитрий Фёдорович Устинов: «Виктор Владимирович, можешь подъехать?» Надо сказать, что меня в Минобороне любили и уважали, потому что в обязанности первого зам-

министра финансов входило финансирование их министерства. У Гарбузова сначала было три зама. Один отвечал за сельское хозяйство, другой — за культуру, здравоохранение и другие «второстепенные» отрасли, позже ввели четвёртого, который занимался связями с партийными органами. Финансирование промышленности и армии было за мной.

Приехал я к Устинову, сели, выпили по рюмке. Он это дело любил. Начал Дмитрий Фёдорович издали, вижу, крутит вокруг да около. Наконец перешёл к главному: «Мне сказали, что свои резервы вы храните в бюджете Минобороны». Я с невозмутимым видом отвечаю: «Никаких резервов у нас нет. Если не верите, приглашайте Дутова. Если он что-нибудь у себя найдёт, всё забирайте себе». Начальник финансового управления Минобороны Владимир Николаевич Дутов был человеком мощным, и как личность, и как специалист, и как руководитель. Устинов продолжает: «Но мне чётко доложили, что резервы у вас есть». Объясняю ему: «Кто вам такую чушь сказал, с того и спрашивайте. Я лично ни о каких резервах не знаю». Помолчали, интересуюсь: «Ну так что, приглашать Дутова?» Устинов рассмеялся: «Вы же всё равно вдвоём меня переборете. Я в ваших финансах не особо разбираюсь. А Дутов даже если знает ваши секреты, всё равно не признается. Какой ему смысл с вами ссориться?»

А резервы у нас действительно были солидные. 3% от бюджета — это только открытые, запланированные. Ещё скрытые, о которых, кроме нас троих, никто не знал, они в лучшие времена доходили до 5% бюджета. А начинали мы, между прочим, с 0,5%, потом вошли во вкус.

Для чего нужны были эти деньги? Финансовая жизнь в течение года находится в постоянном движении. Возникают ситуации, когда необходимо срочно найти средства. Если свободных денег не будет, начнут происходить сбои, и в конце концов движение экономики затормозится и остановится. Это не говоря уж про всякие чрезвычайные ситуации.

На Политбюро и на Секретариате ЦК над нами всё время подшучивали: «Вы говорите, что денег нет, и в то же время предлагаете нам поручить вам их найти». Действительно, мы на заседаниях периодически заявляли: «Если вопрос горячий, поручите Минфину и Госплану рассмотреть возможности его финансирования». После этого собирались и обсуждали, сколько средств, откуда возьмём, причём рассматривали только вопросы огромной государственной значимости, которые доходили до Политбюро. Нам задавали вопрос: «Откуда деньги?» Мы отвечали: «Нашли резервы за счёт свободных и текущих средств». Бюджет же в одно мгновение, с первого дня не расходует, поэтому всегда можно сказать, что взяли ещё незадействованные, свободные деньги.

Финансы — это всегда игра. Если бы у нас не было резервов, разве удалось бы выполнить 16 бюджетов без всякого дефицита? Когда же началась перестройка, сразу закричали о дефиците бюджета. По этому вопросу мы

с Н. И. Рыжковым и схватились. Он не умел считать. Николай Иванович никаких денег, кроме своих, лежащих у него в бумажнике, никогда не считал и в руках не держал. А государственные деньги требуют совсем другого отношения к себе, чем личные. Это абсолютно иная материя и философия. Здесь надо думать не о сиюминутном затыкании дыр, а о том, что потребуется через год и через пять лет.

Совместное предприятие

Ещё я был одним из руководителей валютно-финансовой комиссии СЭВ, подписывал от имени правительства договоры об урегулировании финансовых отношений со странами социалистического лагеря и с отдельными развивающимися странами, был заместителем руководителя совместного германо-советского предприятия по добыче урановых руд «Висмут».

Произошло это следующим образом. Однажды мне позвонили из приёмной председателя правительства Косыгина и пригласили к нему. Когда я пришёл, там уже сидел министр среднего машиностроения, то есть атомной промышленности, Ефим Павлович Славский. Алексей Николаевич сказал мне, что ему звонил генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер, предложивший, если мы хотим, чтобы ГДР увеличило производство и переработку атомного сырья до тех размеров, которые нужны СССР, срочно увеличить финансирование соответствующих работ и создать совместное предприятие. В его правление должны войти пять человек. Директором Хонеккер назвал себя и предложил от каждой страны по два представителя. Со стороны Германии — председателя Центрального банка и директора шахты № 1, где добывали сырьё. От СССР решили включить в состав правления Славского и меня от Министерства финансов. Вопрос рассмотрели на комиссии ЦК КПСС, поддержали предложение, и нам пришлось немедленно лететь в ГДР, решать все вопросы на месте. Там мы подписали протокол о создании совместного предприятия, а главное — определили размер финансирования предстоящих работ по строительству второй шахты, дававшей атомное сырьё. Шахту пустили в срок, потому что финансирование с советской стороны позволило это сделать.

Кармаль загулял

Мне часто приходилось бывать за рубежом. Посылали туда, где в силу тех или иных причин нельзя было появляться официальным лицам страны. К тому же ЦК не имел права напрямую посылать свои деньги за границу, что-либо финансировать. Все операции проводили через Минфин. Мне приходилось придумывать, как всё это оформить правильно.

Несколько раз я бывал в Афганистане. Составил для этой страны три годовых бюджета. Представители её правительства часто приезжали ко мне в Минфин. Так что с министерством финансов Афганистана у меня были самые тесные связи. Поэтому я не особенно удивился, когда меня и заместителя председателя Совмина Зию Нуриевича Нуриева¹ вызвал Косыгин² и сказал, что мы должны лететь в Афганистан.

После ввода наших войск в декабре 1979 года Бабрак Кармаль (бывший до этого послом в Чехословакии) стал генеральным секретарём ЦК Народно-демократической партии Афганистана, председателем Революционного совета и до 1981 года ещё и председателем Совета министров. Он зазнался, раскомандовался и решил снять своего председателя правительства. А главное, потребовал от СССР 3 млрд долларов помощи за то, что мы вошли на территорию его страны. Да ещё добавил, что это только для начала.

Косыгин тогда сказал: «Ты в Афганистане работал с бюджетом, они тебя знают. Из правительства туда никого посылать нельзя, из ЦК тем более — мы засветимся и дадим лишний повод зарубежной прессе написать, что мы оккупанты. Бабрак Кармаль пьянствует и делает много глупостей. Убрать нам его сейчас нельзя, потому что будет международный скандал. Надо его как следует прижать, чтобы он оставил в покое своё правительство и снял претензии по трём миллиардам. Если начнёт упрямиться, берите его и везите в Москву».

Из глаз катились слезы

Прилетели в Кабул. Входим и видим: Бабрак Кармаль действительно в стельку пьяный, слова не выговаривает. Нуриев как близкий ему по национальности человек начинает его отчитывать. Мол, как не стыдно, руководитель страны и партии сидит в непотребном виде. Кармаль обвёл его мутным взглядом и спросил: «А ты ещё кто такой?» Нуриев на него как закричит: «Я тебе сейчас покажу, кто я такой. Я прилетел не дискуссии с тобой разводить, а немедленно вывезти в Москву». Кармаль удивился: «Это как?» Зие Нуриевич ему объяснил: «Кто тебя поставил, тот тебя и снимет». Смотрим, Кармаль от испуга даже немного протрезвел. «Немедленно приведи себя

¹ Зие Нуриевич Нуриев — первый секретарь Башкирского обкома КПСС в 1957–1969 годах, заместитель председателя Совета министров СССР в 1973–1985 годах. — *Прим. авт.-сост.*

² Алексей Николаевич Косыгин был освобождён от работы 21 октября 1980 года в связи с ухудшением состояния здоровья. Бабрак Кармаль возглавил Афганистан в декабре 1979 года одновременно с вводом в страну ограниченного контингента советских войск. Оставаясь генеральным секретарём ЦК НДПА и председателем Революционного совета, он до 1981 года был ещё и председателем Совета министров. Султан Али Кештманд вступил в должность председателя Совета министров Афганистана 11 июня 1981 года. Так что информацию о беседе автора именно с Косыгиным оставляем на его совести. — *Прим. авт.-сост.*

в порядок и слушай, что мы скажем, — продолжает Нуриев, — или соберайся в Москву».

В Афганистане был толковый председатель правительства — Султан Али Кештманд. Очень богатый человек и большой друг нашей страны. Именно его Бабрак и собирался отправить в отставку. Поэтому мы Кармалю сказали: «Если ты собираешься его снять, мы раньше снимем тебя». Он видит, что разговор пошёл серьёзный, и спросил: «А почему не прислали кого-нибудь главнее?» Тогда Нуриев его окончательно поставил на место: «А в Кремле считают, что ты недостойн, чтобы к тебе приезжали высокие начальники». Афганский руководитель окончательно пришёл в себя и стал оправдываться. Бормотал, что хотел как лучше, но теперь понимает, что переборщил. Из его глаз покатались слезы.

Косыгин дал установку, чтобы про наш разговор не узнали ни посол СССР в Афганистане Фикрят Табеев, ни командующий ограниченным контингентом советских войск Мальцев¹.

Нам было важно, чтобы иностранные журналисты чего-нибудь не пронюхали и не раздули скандал. Этого нам хотелось меньше всего. Напечатать — не отмажешься. Официально ведь мы заявили, что приехали обсудить вопросы, касающиеся двухсторонних экономических отношений СССР и Афганистана.

Когда Кармаль окончательно протрезвел, мы спросили его: «Ну, так что будем делать?» И он ответил, что готов выполнить любые наши требования. Ему объяснили: «Значит, так: ты занимаешься исключительно партийными делами, в финансовые вопросы не суйся, ими пусть занимается Кештманд и Совмин. И не тебе решать, кого снимать». Он махнул рукой: «Я на всё согласен. Составляйте протокол заседания». Составили, написали, что партия берёт на себя партийную деятельность, а финансовые вопросы решает правительство.

Караваны с наркотиками

Сказав Нуриеву, чтобы он дальше разбирался с Бабраком, я отправился в афганский Минфин. Премьер-министром, как я уже говорил, был Султан Али Кештманд, толковый мужик. Я с ним давно работал, он к нам не раз прилетал. Мы садились в моём кабинете и спокойно разбирались с афганским бюджетом. Встретившись в этот раз, я с порога в лоб задал вопрос: «Мы не поняли вашей шутки насчёт трёх миллиардов». Он возмутился и стал жаловаться, что это Кармаль заставил его написать письмо о том, что

¹ Фамилия Мальцев в справочных источниках не встречается. Первыми командующими 40-й армией, составлявшей костяк ограниченного контингента советских войск, были генералы Юрий Тухаринов (до 1980 года), Борис Ткач (1980–1982) и Виктор Ермаков (1982–1983). — *Прим. авт.-сост.*

у нас есть к Советскому Союзу такие претензии. Чтобы окончательно меня убедить, Кештманд спрашивает: «Виктор Владимирович, сколько Советскому Союзу надо денег? Мы дадим любую сумму, потому что не знаем, куда девать деньги. Через нас идут наркотики, лекарственные травы. Хотите, подпишем любой договор о том, что Афганистан оказывает Советскому Союзу безвозмездную материальную помощь? Сколько вам надо миллиардов? Мы найдём. Кармаль меня шантажировал, чтобы я потребовал деньги с вас. Я спрашивал его: «На что они нам?» А он отвечал, что это не моё дело. Кармаль ведь вечно пьяный, с ним невозможно разговаривать».

В Афганистане действительно наркотики переправляли во все стороны света караванами грузовиков, примерно как продовольствие из моего родного Невера в Якутию.

Мы тогда заставили, на всякий случай, Кармаля написать заявление, что он не имеет к Советскому Союзу претензий и не предъявляет никаких требований.

В Москве докладывали о решении вопроса секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачёву и председателю Совета министров А. Н. Косыгину. Замечаний по своей миссии не получили.

Мятежные штаты

В связи с ситуацией в Афганистане мне пришлось побывать и в Индии. На этот раз инструктировал меня Суслов¹. У нас с ним были хорошие деловые отношения. Про него распускали слухи, что он тяжёлый человек, с ним трудно работать. Ничего подобного. Мы спокойно сидели, разговаривали, решали вопросы. Тогда он мне сказал: «Виктор Владимирович, в Индии сложилась достаточно непростая обстановка. Секретариат решил направить тебя для урегулирования наших политических взаимоотношений». Сложности у нас в Индии после ввода войск в Афганистан были действительно колоссальные, только их старались не афишировать.

Суслов объяснил: «Шесть штатов резко выступили против Советского Союза и Индиры Ганди. Среди их населения распространили дезинформацию, что Советский Союз ввёл войска в Афганистан, чтобы захватить часть территории Индии и присоединить к себе. Они считают Индиру Ганди жертвой советской пропаганды и требуют её смещения. Она очень обеспокоена. Ты должен отрегулировать этот вопрос и убедить всех в наших добрососедских отношениях и доказать, что Советский Союз претензий ни территориальных, никаких других к Индии не имеет. Нас волнует также судьба индийских долгов Советскому Союзу. Из ЦК мы послать никого

¹ Напомню, что Михаил Андреевич Суслов скончался 25 января 1982 года. — *Прим. авт.-сост.*

не можем, из правительства тем более — по той же причине, что и тогда в Афганистан. А ты кандидат в члены ЦК, депутат Верховного Совета, состоишь в руководстве Комитета защиты мира, знаешь обстановку в Афганистане, в Индии уже бывал, встречался с Индирой Ганди. Завтра у них национальный праздник, вот и поезжай. Мы подготовили небольшую делегацию из пяти человек. Ты — руководитель. Поедете как представители Комитета защиты мира. В случае чего там у нас замечательный посол Юлий Михайлович Воронцов. Хочу предупредить, что задача непростая. Так что береги своё здоровье».

Оказалось, что вылетать следует через несколько часов. Пришёл домой, собрал вещи и рано утром поехал в Шереметьево. Где я только не был, но никогда ещё мне не приходилось так стремительно собираться в дорогу.

Прилетаем в Дели, нас встречает Юлий Михайлович Воронцов и сообщает: «Первое слово после председателя предоставят тебе. Я на митинге не буду присутствовать, потому что как посол не имею права засвечиваться». Он привёз меня к себе на квартиру, я переоделся. Митинг проходил в Южном Дели. Площадь была заполнена, на крышах всех зданий, расположенных на окрестных улицах, сидело много людей. Такого количества народа я не видел никогда в жизни. Вёл собрание второй человек в партии после Индиры Ганди.

Я говорил долго. Подробно разъяснил отношения Советского Союза с Индией, рассказал о целях нашего присутствия в Афганистане. Моё полторачасовое выступление не было для Индии чем-то из ряда вон выходящим. Индусы больше всего на свете любят поговорить. Если индус начнёт произносить речь, его не остановишь. Однако, закончив выступление, мне пришлось ещё два с половиной часа, стоя на трибуне, отвечать на вопросы представителей общественности, объяснять, что Советский Союз ни при каких обстоятельствах не собирается воевать с Индией. Но самое ужасное было не это. Мне по индийской традиции повесили на шею гирлянду цветов, а у меня на такие цветы аллергия. Я мгновенно стал красный как рак, стало тяжело дышать.

К площади постоянно подъезжал Воронцов, смотрел, всё ли нормально, и снова уезжал. Большую роль в индийско-советских отношениях тогда играли индусы из руководства Всемирного совета мира (советский Комитет защиты мира в Совете был очень влиятелен). Кто-то из них выступил вслед за мной и поддержал меня. В результате всё прошло на отлично, и я, несмотря на аллергию, испытал прилив вдохновения. После моего выступления стали подходить к микрофону индийские товарищи. Они говорили, что понимают: Советский Союз никогда не ставил своей целью завоевывать чужие территории. Это пропаганда наших общих врагов, и мы знаем, откуда они — из Америки и Пакистана. В конце приняли резолюцию и

обращение к Советскому Союзу, что мы поддерживаем нерушимую дружбу наших народов.

После митинга я приехал на встречу с Индирой Ганди. Она меня поблагодарила: «Виктор Владимирович, я всё видела по телевизору и удивляюсь, как вы могли такое напряжение выдержать». Мы немного обсудили с ней вопросы урегулирования наших экономических отношений, причём связанных не только с деньгами, но и с взаимной поставкой оборудования, сырья. Только я от неё вышел, подъезжает Воронцов и говорит: «Виктор Владимирович, звонили из Москвы. Ваше выступление полностью одобрено. Есть указание секретариата ЦК продолжить визит. Придётся проехать по всем шести штатам, чтобы донести дружественную политику СССР до всего индийского народа».

Я отправился в поездку, которая заняла у меня полторы недели. Мне объяснили порядок поездки. Везде меня должен был встречать губернатор штата, далее в программе был совместный митинг, после этого меня передают губернатору следующего штата, который везёт меня к себе. По дороге возможны всякие провокации, поэтому с губернатором ехать всё-таки безопаснее.

Инструктируя меня, мне раскрыли секреты местной политики: в Индии много партий, из них две-три ведущие, но на самом деле страной управляют четыре влиятельных лобби — промышленное, торговое, медицинское и финансовое. Поэтому мне дали установку прежде всего встречаться не с партийной элитой, а с представителями этих лоббистских групп. Первые дни всё шло хорошо, никаких выпадов против СССР не было. В третьем штате мы попали на религиозный праздник, и меня посадили рядом с местным духовным лидером. Было очень много людей, обильное угощение. Я вообще не пил, но тогда пришлось пропустить рюмочку, чтобы никого не обидеть. Моё выступление приняли на ура, и вечером за мной приехал губернатор следующего штата. Опыт у меня уже был, поэтому, казалось, всё идёт гладко. Однако по дороге я попал в организованную аварию. Недаром меня всё время предупреждали, чтобы я был внимательным, враги из Пакистана не простят мне моей агитационной кампании.

Лечению не подлежит

Итак, мы едем на джипе, губернатор сидит рядом со мной на заднем сиденье. А в Индии шоссе, как у нас тротуар, — очень узкие. Разъехаться двум машинам невозможно. Вдруг видим, прямо на нас мчится огромный и тяжёлый, как танк, английский грузовик. Губернатор успел меня предупредить: «Держитесь, это не случайно! Что сейчас будет, я не знаю». Слева джунгли, справа кювет. Мы вцепились друг в друга. Водитель оказался

очень опытный. Перед самым грузовиком, который даже не сбавил скорости, он резко повернул руль, съехал в кювет, проехал несколько метров и снова вырулил на шоссе. Казалось бы, опасность миновала, но у губернатора в джипе стоял саквояж с его вещами. И этот саквояж углом ударил мне в глаз. Кровь хлынула ручьём, боль была адская. К счастью, мы уже въезжали в столицу штата.

Из Дели за мной сразу прислали небольшой самолёт. Собрали лучших окулистов страны. Один из них учился в Москве и хорошо говорил по-русски. Они осмотрели мою рану, вышли, посоветовались, вернулись и говорят: «К сожалению, глаз вы потеряли. Все нервы разорваны, кость раздроблена и главное — разбит хрусталик. Вылечить глаз невозможно, придётся его удалить. Лучше прямо сейчас, а то может быть летальный исход». Я пришёл в ужас. Боли страшные, температура 40, кровотечение не прекращается. Однако отвечаю, что лучше умру с глазом, чем буду жить без него. Врачи минут десять ещё меня уговаривали дать согласие удалить глаз, но я стоял на своём: «Что я буду без глаза жить, как пират». Надо сказать, Индира Ганди тоже очень внимательно отнеслась к моей беде, следила, помогала чем могла. Позвонила своим медикам и распорядилась: «Посмотрите ещё раз. Может быть, всё-таки можно что-то сделать». Снова собрался консилиум, диагноз подтвердился: «Лечению не подлежит, подпишите письмо, что вы против операции по удалению глаза, потому что у вас скоро начнётся гангрена, вы умрёте, а мы будем за вас отвечать. Лететь на самолёте в Москву категорически нельзя, из-за повышенного давления в полёте второй глаз двойную нагрузку не выдержит».

Я им вновь ответил, что ничего подписывать не буду, и точка.

Сеансы у Джуны

К счастью, в Москве ко мне проявили очень большое внимание. Особенно Байбаков. Сообщили о происшествии в ЦК, мне два раза в Индию звонил Суслов. Первый раз я от боли не мог с ним говорить. В конце концов прислали за мной самолёт с какой-то женщиной-врачом, светилом офтальмологии. Она меня сразу в него погрузила. Прилетели благополучно, у трапа ждали помощник Байбакова, Гарбузов и инструктор ЦК. Помощник Байбакова говорит: «Приказ такой: Николай Константинович вызвал в Москву Джуна, и хотя она где-то отдыхала, срочно прилетела и ждёт вашего приезда». Посадили меня в машину и привезли к ней на квартиру. Там меня ждал и Станислав Фёдоров. Они вдвоём меня осмотрели. Джуна говорит: «Для начала важно снять повышенное глазное давление. Насчёт лечения пока ничего не могу сказать. Надо, чтобы прошёл процесс воспаления. К счастью, у вас нет признака отмирания ткани». Фёдоров с ней согласился.

Центральный аппарат

После этого Джуна мне сделала 32 сеанса бесконтактной терапии. Часть из них проходила у Фёдорова в клинике, другие — у неё дома. Вскоре давление действительно спало, а вслед за ним и температура. Прекратились боли. И вот в один прекрасный день среди абсолютной черноты появился просвет. Столько счастья я никогда не испытывал. Говорю Фёдорову: «Станислав, я что-то вижу». Он посмотрел через прибор и подтвердил: «Да, начинается процесс заживления».

Джуна продолжала водить руками, Фёдоров её консультировал, объяснял, на какие точки лучше воздействовать. Так что она лечила под его руководством. Мне с каждым днём становилось всё лучше. Вскоре я стал различать крупные буквы. Лечение продолжалось полтора месяца. Наконец наступило выздоровление. Правда, ещё какое-то время каждый глаз видел по-своему. Отсутствовала фокусировка. Полностью зрение восстановилось только месяца через три.

За поездки в Афганистан и Индию мне дали орден Ленина. Когда распределяли награды, на Минфин выделили одну награду. В качестве кандидатуры мы предложили старейшую работницу министерства, члена партии с 1904 года. Она работала финансистом, но в ЦК решили иначе. Так и заявили: «Орденом наградить Деменцева, потому что он заслужил его результатами своих зарубежных поездок».